

Литература и жизнь
15.VII.59

ЛИТЕРАТУРА и ЖИЗНЬ в Ленинграде

Это возможно!

Н. АКИМОВ,
народный артист РСФСР

У ПРЕЖНУЮ нашу театральную драматургию по отдельным поводам на итоговых совещаниях и в обобщающих статьях, мы всегда признаем, что в общем все обстоит хорошо, что в целом все прекрасно, что наши зрители любят свои театры, конечно, несмотря на отдельные срывы и неудачи в их работе.

Такие выводы совершенно справедливы, тем более в существующих условиях, где театр, начиная от «подружничества» с читателем, не мог бы существовать. Верно и то, что все театры имеют большое и полезное дело, за что народ им благодарен, и в сущности все действительно хорошо.

И все-таки, рождается вопрос: а достаточно ли степень этой любви зрителя к театру? Не довольствуемся ли мы положением, которое правильнее было бы назвать благополучным, не снижаем ли мы наших запросов к искусству? Не должны ли мы добиваться более горячей любви, нет ли у нас здесь неиспользованных сил и возможностей?

Недалеко во всех театрах нашего города на один день упали сборы. Причиной этого странного факта оказался интересный футбольный матч.

Я не помню случая, когда на стадионе было пусто из-за того, что «болеельщики» были отвлечены интересной театральной премьерой. Мы не против увлечения спортивными состязаниями, особенно когда они превращаются в большой народный праздник. Но хотелось бы, чтобы хоть два-три спектакля в год на весь театральный Ленинград превращались бы в такой же праздник, как на стадионе, пусть даже с лишними хлопотами...

Это желание не следует приписывать неумеренному честолюбию театрального работника. Но нам очень нужен настоящий восторг зрителя. Он не только приятен автору, но нужен и самому зрителю, кто только неосторожно, а не спокойно оценил в искусстве приносит настоящее удовлетворение.

Было бы впечатление ошибкой упреждать себя рассуждением.

что драматический театр вообще не способен возбуждать в зрителе эмоции такой силы. Сделав такой вывод, мы неминуемо пришли бы к другому, явно неверному, что этот вид искусства не является достаточно нужным и потерял силу полноценного воздействия.

Признать, однако, что существующий репертуар наших театров не нагревает аудиторию до точки кипения, мы обязаны. «Спектакль был тепло принят зрителем», — читаем мы в газетах, когда рецензенты хотят похвалить театр. Тепло! Да, только тепло, не больше! Когда же мы дождемся горячего, а не теплого приема? Когда лучшие спектакли станут событиями в городе, а не только в театральной среде, и дождемся ли мы этого?

Конечно, дождемся! И вот когда:

а) Когда возродятся четкие театральные жанры. Когда мы будем играть очень смешные комедии и потрясающие трагедии.

Примечание: Пусть комедия у нас недостаточно смешна, но их все-таки пишут. Но жанр трагедии, советской трагедии, исчез совершенно. Ничего более свежего чем «Гамлет», зритель увидеть пока не может.

б) Когда мы (и авторы, и театры) отрешимся от унылой бытовщины.

Примитивное житейское правдоподобие, унылая обыденщина и скука, эти порожденные жизнью соиты с нашей сцены. Мы осто-

еенно в настоящее время, слишком упрощенно стали понимать такие важнейшие положения, как «жизненная правда», «правдивое изображение», забывая, что все это относится к искусству, что мы стремимся к правдивому искусству, а не к тусклому и унылому копированию жизни вне искусства. Еще хуже получается, когда происходит копирование не жизни, а копий, подражание образцам, уже доказавшим свою несостоятельность, когда вместо пристального изучения действительности с творческих позиций строителей нового мира насаждаются штампы. Следует понять, что натурализм в драматическом театре — самое доступное и легко достижимое направление, что для создания натуралистического спектакля, где «все как в жизни», ни вдохновения, ни таланта, ни творческого озарения не требуется.

в) Когда новая пьеса будет возникать под пером драматурга от его потребности сообщить будущим зрителям новые, волнующие его мысли. Если мысли эти глубоки, умны и неизвестны зрителям из других источников, они подскажут автору и новые формы, в которых легче всего донести их до зрителя.

Острое желание сказать людям нужные слова, — вот в чем заключается настоящий темперамент драматурга. Желание передать пьесу, в которую «для порядка» включается бесспорная мораль, лаяно известная зрителю, приводит к обычному результату — зрители восторга не проявляют. Да и с чего бы им походить в восторг? Оу того, что автор читает в их газете, что читает и зритель, и не переживает, ничего не принося от себя? Или от того, что он увидел на сцене людей менее интересных, чем идут дома и на работе? Но даже если персонажи и ситуации таковы, «как в жизни», то «жизни» их можно прожить самостоятельно и бесплатно!

г) Когда автор и театр будут адресовать свой труд неплер уму и только профессионалу художника, не обольщая себя лишней надеждой, что для публики надо все излагать попроще, а мораль повторять многократно, чтобы не вышло недоразумений и чтобы самые непонятливые все поняли.

Ориентировка на «непонятливого зрителя» — роковое давнее заблуждение. Плох тот педагог, который строит свои уроки по самому ленивому и рассеянному ученику. Весь класс перестает заниматься и скучает. Видя, как скучает весь класс, больше всех скучает и самый рассеянный.

д) Когда мы решим, что пьесы, заставляющие думать не только во время спектакля, но и после его окончания, вызывающие споры и дискуссии, поднимающие нерешенные проблемы, — главные события.

Мы часто требуем от автора, чтобы к концу спектакля был произведен окончательный расчет по всем статьям, со всеми героями, чтобы каждый получил «по заслугам». Такой исход, конечно, приятен. Но пьесы, где в финале все пришло в идеальное равновесие, скорее всего забудутся. Да и зачем их помнить, если все исчерпано и совесть зрителя чиста: и без его участия порядок наладен?

е) Когда театры будут считать себя обязанными сделать некую лучшую иллюстрацию к тем лучшим произведениям пьесы, а не изобразивший «худобства» разбродившийся ролей, чтобы все было тихо и спокойно. Чинчиков, который давно не играл (потому что играет он плохо), все-таки сыграл.

ж) Когда наши театры научатся так хвалить новый спектакль, чтобы даже после прочтения рецензии зритель все-таки захотелось бы пойти в театр. Скучный пересказ содержания, который мы теперь почему-то считаем необходимым во всякой рецензии, достигая сразу двух результатов. Во-первых, зная все известное и ничего не добавив в театр, во-вторых, мораль, даже если она таинственна и художественно подана в пьесе, обычно так назойливо προσподжигается в редакции, что мнение зрителя, прочитав такую статью о новой пьесе... спадает на стадион.

з) Когда разнообразие жанров, творческих манер, приемов воплощения, разнообразие тем и содержания, соответствующее все возрастающей широте кругозора и интересам современного человека, сделает наши театры и наши спектакли единственными и неповторимыми, но совершенно непохожими друг на друга.

Мы ждем этого дождемся. В самом крайнем случае, если нам это кажется невозможным, того поколения дождутся наши дети.

А вдруг это возможно?